

**ДЕТСКИЕ САДЫ И ЯСЛИ В РУССКОЙ ПОРЕФОРМЕННОЙ ДЕРЕВНЕ
(сельские приюты и ясли Петербургского воспитательного дома
во второй половине XIX — начале XX века)**

Сегодня, когда в нашей стране обострились проблемы призрения сирот и детей, брошенных родителями, изучение опыта работы воспитательных учреждений дореволюционной России вызывает особый интерес. Для крупнейшего из них, Петербургского воспитательного дома, 1860-е гг., как и для всей страны, были временем перемен.

В конце XVIII — начале XIX в., в период обновления и становления, воспитательный дом, как уже отмечалось, находился на вершине новейших педагогических идей. Из безродных сирот и подкидышей тогда всерьез задумали выращивать «третьего чина людей». Традиции эпохи Просвещения и просвещенного абсолютизма в значительной степени сохранились и в первой четверти XIX в., при императрице Марии Федоровне. Большая часть сирот и подкидышей уже отправлялась на воспитание в деревню, но в число 500 штатных воспитанников, которых оставляли в столице и обучали по способностям, дети попадали независимо от происхождения. Ситуация резко изменилась в 1830-е гг., во время укрепления «непросвещенного абсолютизма» Николая I. С 1837 г. всех сирот неизвестного происхождения стали направлять на воспитание в деревню. Впоследствии их приписывали к государственным крестьянам.

В зданиях Воспитательного дома на Мойке разместились закрытые сословные женские учебные заведения — сиротский институт (с 1855 г. — Николаевский сиротский институт) для обер-офицерских детей и Александринский сиротский дом для девочек из разночинных семей. Несмотря на усилия лучших педагогов, в этих воспитательных учреждениях постепенно брали верх казенная заорганизованность и жестокая дисциплина.

Среди проблем, вставших перед воспитателями в годы реформ, оказалась и реорганизация жизни и быта малолетних детей, как младших девочек из Николаевского сиротского института, так и деревенских питомцев. Младшие воспитанницы сиротского института (девочки от 4 до 8 лет) составляли его малолетнее отделение, в 1848 г. переехавшее за город на Куракину дачу и с тех пор представлявшее собой своеобразный закрытый сельский детский сад. К 1860-м гг. в работе отделения появились серьезные трудности. Их связывали с плохой педагогической подготовкой воспитательниц и учительниц. Это были, в основном, выпускницы класса надзирательниц за малолетними детьми сиротского института, куда по правилам переводили самых неспособных, неумелых и недисциплинированных девочек-подростков.

В Европе к этому времени широкое распространение получили детские сады по системе Ф. Фребеля. В 1866 г. в европейские страны отправился талантливый педагог и писатель, инспектор классов Николаевского сиротского института М. Б. Чистяков. В задачи его командировки входило изу-

чение опыта организации детских садов и начальных женских школ. В ходе поездки Чистяков посетил детские сады в ряде городов Германии и Швейцарии, включая сад госпожи Фребель, вдовы «идеолога» этих воспитательных учреждений. Вернувшись на Родину, он изложил свои впечатления в статьях, одна из которых была посвящена детским садам.

Чистякова отличало трезвое, прагматичное отношение к иноземному опыту, стремление извлечь из него максимальную пользу применительно к русской действительности. Подобное отношение к Фребелевской системе, впрочем, было характерно и для таких русских педагогов, как К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой и Е. Н. Водовозова. Чистяков разделял многие теоретические положения Фребеля. Он соглашался с тем, что воспитание ребенка должно начинаться с колыбели и состоять в «возбуждении всех врожденных сил к деятельности и содействию стройному их развитию», а «личность дитяти может постигнуть только мать или женщина, во всех отношениях занимающая ее место»¹. Средством для раскрытия личных свойств ребенка являлись по Фребелю игрушки, игры, чтение стихов, пение, рисование, занятия в саду и на огороде.

Применение фребелевских методов на практике разочаровало российско-го инспектора. По его мнению, реализация системы Фребеля справедливо считалась «слишком механической», ребенок как бы «превращался в снаряд, который повинуется только движениям воспитательницы». Зато визитер обратил доброжелательное внимание на подготовку воспитательниц, отличавшихся образованием «если не столь глубоким, то разносторонним», на то, что «преподавание шло со знанием дела, с уверенностью, стройно и бойко»². Самое благоприятное впечатление произвели на русского педагога отношения между воспитательницами и детьми. Главное достоинство детских учреждений он видел в этой обстановке, наполненной добротой и лаской, в которой дети «может быть еще больше, чем от воспитательниц, образуются друг от друга». Из зарубежного опыта он вынес убеждение в преимуществах воспитания дошкольников в группе сверстников: «Вот на эту-то сторону в детских садах и надобно обращать внимание гораздо больше, чем на так называемое знакомство с окружающими предметами, чем на плетушки или корбочки, или на усвоение форм условной вежливости и благородных манер что мы, русские, особенно высоко ценим и что из детей наших часто делает только очень ловких, красивеньких, щеголеватых зверьков»³.

Позднее Чистяков представил опекунскому совету план преобразования малолетнего отделения. В 1869 г. план получил одобрение Александра II. В этом документе нашли отражение многие идеи, высказанные педагогом ранее.

Проект предлагал принимать в отделение детей возможно более раннего возраста, так как «первые впечатления чувства, движения ума и привычки сердца» оставляют в душе ребенка самый глубокий след. Для «микроскопического наблюдения» девочек-ровесниц следовало разделить на группы численностью не более 10 человек в каждой. Разница в возрасте могла допускаться только у самых старших воспитанниц.

Воспитание малышей отдавалось в руки женщин «по врожденным инстинктам и по свойствам их природы». Реформатор предъявлял к воспитательницам повышенные требования. Они должны были иметь общее и педагогическое образование, владеть русским, немецким и французским языками, чтобы помочь детям в последствии стать учительницами и гувернантками, уметь преподавать музыку, пение, рисование, быть искусными во всех женских работах, в садоводстве и огородничестве. Занятия на земле являлись обязательной составной частью первоначального образования. Каждой девочке следовало выделить маленький участок земли для обработки.

Система воспитания должна была иметь «чисто семейный характер»: «ласковость, терпение, кротость» превращались в главные правила педаго-

гов. В «рекреационное время» предполагалось предоставить детям, в отличие от правил Фребеля, полную свободу и только следить, чтобы они не причиняли вреда себе и другим и соблюдали «строгие нравственные приличия»⁴.

Уже современники отмечали «некоторую долю идеализма» в проекте Чистякова. Опекунский совет несколько снизил планку требований к воспитательницам, в противном случае отделение подвергалось риску остаться без педагогов. Окончательный вариант положения предполагал наличие у претенденток «главных педагогических качеств» и ввел для поступающих на работу четырехмесячный испытательный срок. Невозможно оказалось и выделить кусочек земли для садовых занятий каждой из 150 воспитанниц. Однако в целом проект был внедрен в практику малолетнего отделения и в течение ряда десятилетий «содействовал преуспеянию всего заведения»⁵.

В 1860-е гг. новшества вошли и в жизнь питомцев, отданных на воспитание в крестьянские семьи. В русской деревне в это время появляются школы – церковноприходские, земские. Нельзя было более мириться с тем, что детей, призреваемых государством, систематически никто не обучал. В 1864 г. в воспитательном доме на Мойке разместилась учительская семинария, готовящая сельских учителей из грамотных деревенских питомцев. В том же году появились и первые сельские школы воспитательного дома. В 1868 г. в доме открылось женское училище для лучших выпускниц сельских школ. Они могли получить профессии нянь, фельдшерниц, сельских учительниц или «учительниц-садовниц» (так называли тогда воспитательниц детских садов) для нужд воспитательного дома и всего Мариинского ведомства.

Руководителей дома чрезвычайно беспокоили проблемы сохранения жизни и воспитания грудных и малолетних деревенских питомцев. Особенно нетерпимое положение складывалось в страдную летнюю пору, когда крестьянки оставляли и своих детей, и приемышей без присмотра и ухода, а сами были вынуждены уходить в поле, на работу. Так было и раньше, но в 1860-е гг., когда идеи создания детских садов и яслей стали распространяться все шире, нашелся выход из трудной ситуации.

В 1867 г. «для призрения грудных и малолетних питомцев воспитательного дома, оставляемых их воспитательницами в летнее время при уходе на полевые работы без надлежащего надзора», в тех деревнях, где было наибольшее число питомцев, устроили ясли. Приемные матери приносили и приводили туда воспитанников и собственных детей до 3 лет. Они захватывали с собой коровье молоко и смену белья. Главной целью таких яслей было элементарное стремление спасти жизнь оставляемых без присмотра голодных ребятешек. Врачи воспитательного дома, инициаторы их открытия, считали искусственное кормление младенцев коровьим молоком с помощью рожка все-таки «меньшим злом для них сравнительно с возможным даже голоданием или кормлением соской из черного хлеба, если бы грудные питомцы оставались крестьянками дома», а «присмотр более или менее толковой личности» предпочтительным по сравнению с отсутствием такового⁶.

Расходы на одни ясли (наем помещения и заработок няnek) составляли всего 36 рублей на сезон. Опыт оказался успешным. По сведениям, получаемым в воспитательном доме, крестьянки «очень охотно приносили в ясли не только вскармливаемых ими питомцев, но иногда и собственных детей и высказывали начальству... искреннюю свою благодарность»⁷. Постепенно выявились и слабые места нового учреждения. В ноябре 1877 г. почетный опекун, управляющий воспитательным домом, Н. А. Шторх представил в опекунский совет предложения по реорганизации летних детских яслей. Десятилетняя практика показала, что рассчитывать на продукты и белье, приносимое крестьянками, не приходится. Молоко прокисало, манной каши, необходимой для прикармливания детей, не было вовсе, белья и одежды не

хватало, и мокрые пеленки часто нечем было заменить. Дети постарше приносили с собой только хлеб и холодный вареный картофель, оставаясь целый день без горячей пищи. За небольшую плату трудно было найти «благонадежную женщину, которая согласилась бы целый день безуданно иметь уход за многими грудными детьми». Съезд окружных врачей и надзирателей дома предложил поручать работу в яслях преимущественно лицам с образованием (фельдшерицам, няням, учительницам), давать им одну или двух помощниц из взрослых питомиц, закупить для яслей инвентарь (люльки, рожки, белье, одежду, посуду), покупать молоко у хозяев домов, за счет воспитательного дома приобретать также манную крупу, а для старших детей готовить на обед горячее блюдо «из крупы, картофеля, масла и соли, а когда представится возможность, то и говядины»⁸.

Расходы на организацию таких яслей возрастали до 226 рублей, а в последующие годы требовалось по 175 рублей на сезон. В округах воспитательного дома насчитывалось свыше 17000 деревень, и, конечно, открыть повсюду летние детские ясли не представлялось возможным. Почетный опекун предлагал выбрать такие села, где находилось по 10 и больше грудничков, и создавать в них по 10 яслей ежегодно, что и было принято опекунским советом⁹. Система летних сельских детских яслей для питомцев воспитательного дома просуществовала до 1917 г. и дала неоценимый опыт присмотра за грудными детьми.

Первые же годы деятельности яслей поставили и новую проблему. Крестьянки приводили в ясли и питомцев постарше – от 3 до 6 лет. Эти дети, «будучи ничем не заняты и не имея места для обыкновенных игр детского возраста, весьма неохотно оставались в яслях, выбегали на улицу и нередко уходили домой, где оставались уже без всякого наблюдения, так как воспитательницы, полагаясь на то, что питомец отведен в ясли, не прилагали уже никакой заботливости к поручению кому-либо за ними надзора»¹⁰. С целью «установления правильного наблюдения над малолетними питомцами и для упражнения их в занятиях, соответствующих возрасту», воспитательный дом решил открывать для них в больших деревнях «приюты вроде детских садов по методу Фребеля»¹¹.

В 1872 г. опытный приют – первый сельский детский сад в России – был открыт в Изварском округе Красносельского уезда в доме священника Грызовского прихода. В окрестных деревнях воспитывалось до 60 питомцев 3–8 лет. Воспитательницами назначили выпускниц женского училища Евфимию Филиппову и Наталью Александрову, обучавшихся по программе сельских учительниц и «учительниц-садовниц». Им помогали две выпускницы сельской школы. Предполагалось, что маленькие дети зимой не смогут посещать приют, и он превратится в подготовительный класс сельской школы для обучения ребят постарше.

Эксперимент оказался удачным. Дети исправно посещали приют и с «полным удовлетворением занимались игрой в мяч, кубиками, сгибанием бумаги, подвижными играми с пением»¹². Старшие ученики сельской школы собирали детей в сад по утрам, а вечером развозили их по домам. Осенью в доме священника открылась школа для детей 7–9 лет. Позднее приюты стали открывать и в других деревнях.

В 1897 г. глава, посвященная приютам, дополнила «Положение о сельских школах и библиотеках С.Петербургского воспитательного дома». Приюты располагались в наемных избах, куда крестьян обязывали приводить приемных детей. Занимались по системе Фребеля. Воспитательный дом снабжал приюты инвентарем. Дети получали обед – «одно горячее кушанье», а хлеб приносили с собой. Воспитательницами служили учительницы, няни или

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

фельдшерицы из воспитанниц, получавшие сначала 21, а позднее – 24 рубля в месяц. В приюты принимались дети с 4 лет, летом они «упражнялись» в занятиях и подвижных играх по Фребелю. Зимой здесь же обучались питомцы 7 лет и старше¹³. В 1904 г. в ведомстве Петербургского дома действовало 7 приютов (летом они принимали детей от 4 до 7 лет, зимой – от 7 до 10 лет), их посещали 104 мальчика и 95 девочек, к 1916 их осталось 5 со 149 воспитанниками¹⁴.

Опыт работы малолетнего отделения, а также сельских яслей и приютов Петербургско-го воспитательного дома и подготовки педагогов для них использовался при организации в 1918 г. в Петрограде институтов дошкольного образования и социального воспитания – первых вузов, готовивших специалистов по дошкольному воспитанию. Позднее они влились в ЛГПИ имени А. И. Герцена (ныне – РГПУ) в состав одного из первых и сильнейших в стране факультетов дошкольного воспитания (ныне – институт детства).

Примечания

1. *Чистяков М. Б.* Фребель: Детские сады за границей / Из путевых записок 1866 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. № 5. С. 526–527.

2. Там же. С. 531.

3. Там же. С. 533.

4. *Тимофеев В. П.* Пятидесятилетие С.-Петербурга Николаевского сиротского института. 1837–1887. СПб., 1887. С. 92–96.

5. Там же. С. 96–97.

6. РГИА. Ф. 759. Оп. 33. Д. 715. Л. 1. 26об.

7. РГИА. Ф. 758. Оп. 9. Д. 500. Л. 1.

8. РГИА. Ф. 759. Оп. 33. Д. 715. Л. 1об.–2.

9. Там же. Л. 4–4об., 12.

10. РГИА. Ф. 758. Оп. 9. Д. 500. Л. 1–1об.

11. Там же. Л. 1об–3об.

12. Монографии учреждений ведомства императрицы Марии. СПб., 1880. С. 262.

13. Действующие постановления по Императорскому С.-Петербургскому воспитательному дому. СПб., 1906. С. 70–72.

14. Учебные заведения ведомства учреждений императрицы Марии: Краткий очерк СПб., 1906. С. 316; Императорский Петроградский воспитательный дом. Отчет за 1915 г. Пг., 1916. С. 161, 172.